

Ещё не дойдя до внутренней каменной двери, свет фонаря отразился от лежащей на ступенях окровавленной Цици. Её сердце заколотилось, она чуть не потеряла сознание, но, удерживаясь за стену, повернула кольцо, и дверь потайной комнаты открылась.

Как только дверь открылась, свет усилился в несколько раз. Комната мгновенно озарилась, и стены оказались покрыты зеркалами. Гу Хуань сначала почувствовала слабый запах крови, и её сердце упало. Она подняла глаза и увидела Лэ Юя, снявшего маску, с бледным лицом. Впервые за месяц он смотрел на неё своим настоящим лицом, с густыми бровями и глубокими глазами. Гу Хуань вдруг поняла, что он стал мужчиной, внушающим страх, а Сяо Шанли... был без сознания, накрытый одеждой. Свет фонаря падал на его лицо, щёки и губы были бледными.

Гу Хуань хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Она стояла как статуя, осознавая, что совершила огромную ошибку. Её мысли были полны Сяо Цзю. Он доверил мне Сяо Цзю перед смертью, а я не смогла защитить его. Он был красив, но с детства обладал сильным характером, ненавидел, когда его принимали за девушку. Теперь, под воздействием наркотика, он был унижен и опозорен. Если он проснётся, он, вероятно, предпочтёт смерть.

Слева от зеркала были видны следы пота, ладоней и пальцев Лэ Юя, оставленные в моменты его мучений. Лэ Юй сделал несколько шагов, и тёплая жидкость потекла по его бедру. Раньше в темноте ничего не было видно, но теперь свет фонаря обнажил весь его позор. Он был подстроен, не мог контролировать себя, как зверь, насилуя Сяо Шанли. Следы зубов и пальцев на его теле болели, его грудь была полна гнева. Фонарь в руках Гу Хуань внезапно был выхвачен и оказался в руке Лэ Юя. Меч издал громкий звук, как раскат грома, и зеркала вокруг мгновенно раскололись на куски!

В своём гневе он всё же уберёт структуру комнаты, зеркала разбились, не задев Гу Хуань, а Сяо Шанли продолжал спокойно спать. Лэ Юй не считал, что Сяо Шанли получил какое-то преимущество. Оба они были жертвами заговора. Он, гордый своим мастерством, за тридцать лет ни разу не проигравший, был одурачен Мо Ецянем, и это было величайшим позором! Но человек, который должен был быть его врагом, был уже убит им самим, и некому было мстить.

Гу Хуань, охваченная заботой, не заметила всех этих признаков. Лэ Юй знал, что она полностью поглощена Сяо Шанли, а он, считавший её почти сестрой, был забыт. Его гнев разрывал сердце, но он не мог оставить её в отчаянии.

— Я нажал на его точку сна. Ничего не произошло.

Она вдруг поняла, что если бы Лэ Юй действительно был тем, кто опозорил Сяо Цзю, он бы не сказал, что ничего не произошло.

Только тогда... она с облегчением сказала:

— Хорошо, ничего не произошло.

Эта тайна останется таковой — к счастью, это был Лэ Юй... он не мог преследовать это дело, и они оба могли остаться в целости. Но, думая о положении Лэ Юя, её сердце разрывалось от боли, и она, закрыв лицо, зарыдала:

— Это я виновата. Если бы ты не приехал в Цзиньцзин...

Лэ Юй ответил:

— Что случилось, то случилось.

Его тело снова стало горячим, и это было не только из-за яда, но и из-за того, что он использовал Искусство Грызущего Снег, будучи не в состоянии двигаться, и был охвачен гневом, что вызвало обратное течение энергии. Гу Хуань видела гнев Лэ Юя. Говорят, что гнев императора может привести к миллионам смертей, а гнев гроссмейстера может разрушить горы и затмить солнце. Лэ Юй повернулся и вышел, его энергия текла в обратном направлении, но была наполнена силой. Его тело горело, как угли, а стройная фигура Гу Хуань бросилась за ним, но её сразу же окружили служанки и историограф. Она видела, как Лэ Юй, держа меч, прыгнул в холодную воду озера, и запретила кому-либо беспокоить его, с тревогой наблюдая за ним через ивовые заросли.

Историограф Ши тихо спросила:

— Госпожа, как поступить с задержанными?

После ареста Юнь Янь она приказала немедленно арестовать служанку, которая представила её пять лет назад, притворяясь племянницей, и её семью. Она закрыла глаза, её лицо было печальным, но она собралась и начала разбираться с последствиями, медленно говоря:

— Девятый принц простудился и нуждается в отдыхе. Вчера в Цзюйчжай пропали старые подарки императора, преступник сбежал, но был схвачен ночью. Мужчина покончил с собой, а женщин не нужно отправлять в суд. По законам Чу, их следует казнить.

Тем временем принцесса Яньцин также провела бессонную ночь, успокаивая ситуацию. Ранее она говорила, что пригласила гроссмейстера, но это было частью плана, согласованного с Сяо Шанли. Даже император не мог приказать гроссмейстеру, не говоря уже о князе Цзинчэне, не имеющем реальной власти. Она привела ученика гроссмейстера, который имел личные связи с князем Цзинчэном, чтобы запугать Мо Ецяня и воинов Зала Заточки Мечей, заставив их отказаться от борьбы.

После этого у неё не было времени поговорить с Не Фэйлуань, и только на рассвете, когда всё немного успокоилось, она отправилась на лодку Шуцзин. Не Фэйлуань также не спала всю ночь, её макияж был испорчен. Услышав, что принцесса пришла, она быстро обернулась, и их глаза встретились. Они пережили вместе великую опасность, но теперь молчали. Не Фэйлуань отвернулась, вытирая слёзы:

— Ты в порядке, и это главное.

Тянь Мими смотрела на неё, словно во сне, и вдруг взяла её дрожащую руку:

— Сестра, ты сыграешь мне мелодию?

У неё было ранение, и Не Фэйлуань должна была посоветовать ей вернуться в резиденцию Восточного У, чтобы перевязать рану и отдохнуть, но не смогла этого сделать. Она знала, что

после этого она войдёт в запретный город, и их пути, вероятно, больше не пересекутся, поэтому она с улыбкой взяла цинь и запела.

Её песня была такой:

*

Утреннее окно тихо, мы встретились неожиданно,

Хочу рассказать тебе свои чувства.

Наклоняю голову, не могу вынести весны,

Мои губы красны, как вишня;

Мы быстро договорились о месте радости,

Но ненавистный дождь всю ночь!

Одинокая подушка, холодное одеяло, я не могу уснуть,

Свеча догорает, но рассвет не настаёт.

*

Тянь Мими слушала, её сердце разрывалось от боли, и когда она услышала строки «одинокая подушка» и «свеча догорает», она чуть не вскрикнула: «Сестра, как я могу смотреть на тебя, плачущую до рассвета?» Судьба сыграла с ними злую шутку, они обе были женщинами, не могли открыто пожениться, и Тянь Мими знала, что, хотя они встречались всего три раза, их чувства были глубоки. В этом огромном мире было много мужчин, равных ей по статусу и уму, но если бы она могла выбрать, она бы хотела провести с ней всю жизнь. Однако её помолвка с князем Цзинчэном была уже заключена, и она не могла признаться в своих чувствах кому-то другому, пока князь Цзинчэн не будет найден.

Когда песня закончилась, они молчали, пока вдруг не раздался стук в дверь, и маленькая служанка сказала:

— Госпожа, кто-то...

Дверь открылась, и на пороге стоял Лэ Юй, весь мокрый, с мечом в руке, его настоящее лицо было неузнаваемо. Тянь Мими смотрела на него, с головы до ног мокрого, волосы прилипли к лицу:

— Старший брат...

Лэ Юй сказал:

— Мими, иди обратно в резиденцию.

Она поняла, что происходит что-то серьёзное, и просто сказала:

— Хорошо.

Она ещё раз посмотрела на Не Фэйлуань и, собравшись с духом, ушла.

Не Фэйлуань временно отложила свои чувства, её глаза были красными, но она сказала:

— Я думаю, вам нужно сначала принять ванну.

Лэ Юй не возражал, и она приказала служанке подготовить всё. Лодка Шуцзин была каменной лодкой у воды, и ванна также была сделана из гладкого камня, длиной и шириной три метра, с белыми камнями, покрытыми паром, и низкими каменными перилами и ступенями.

Ванна была наполнена горячей водой, ступени были тёплыми и гладкими. Она надела лёгкое платье из шифона и вошла с вином, как вдруг увидела, как Лэ Юй погрузился под воду, только несколько прядей чёрных волос плавали на поверхности. Его жар прошёл, и теперь он был охвачен холодом, его конечности были скованы. Под водой он пытался направить свою энергию, используя Сутру Истинного Удовольствия, его грудь содрогалась, и он почувствовал прилив крови в горле. Его тело упало назад, и Не Фэйлуань увидела, как вода окрасилась в красный. Она выронила вино, и только потом Лэ Юй вынырнул из воды, пробиваясь сквозь кровавый туман.

Она вздохнула с облегчением, не решаясь задавать вопросы, и начала собирать осколки. Лэ Юй подошёл к краю ванны:

— Осторожно, поранишь руку, а мне будет больно.

Она улыбнулась:

— Доктор Инь проснулся, я уже попросила его прийти, надеюсь, вы не будете сердиться на меня за то, что я взяла на себя инициативу.

Лэ Юй, мокрый, взял её за запястье, пока она собирала осколки:

— Красавица сама пришла, чтобы помочь мне принять ванну, как я могу на тебя сердиться?

<http://bllate.org/book/15272/1348087>